

Комалова Лилия Ряшитовна

ВЕРБАЛЬНЫЙ ОБРАЗ СУБЪЕКТА АГРЕССИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СЕТЕВЫХ СМИ

Статья описывает экспериментальное исследование репрезентации в тексте русскоязычных сетевых СМИ лексем семантического поля "агрессия", посредством которых у реципиентов - носителей русского языка - формируется образ субъектов, участвующих в акте агрессии: агрессора, жертвы агрессии и третьих лиц, выступающих от лица жертвы или агрессора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 96-98. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

УДК 81'23; 81'27; 81'33; 81'42

Статья описывает экспериментальное исследование репрезентации в тексте русскоязычных сетевых СМИ лексем семантического поля «агрессия», посредством которых у реципиентов – носителей русского языка – формируется образ субъектов, участвующих в акте агрессии: агрессора, жертвы агрессии и третьих лиц, выступающих от лица жертвы или агрессора.

Ключевые слова и фразы: лексема; ассоциация; вербальный образ; семантическое поле; агрессия.

Комалова Лилия Ряшитовна, к. филол. н.

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Московский государственный лингвистический университет

GenuinePR@yandex.ru

ВЕРБАЛЬНЫЙ ОБРАЗ СУБЪЕКТА АГРЕССИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СЕТЕВЫХ СМИ

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 14-18-01059.

Специалисты различных областей не оставляют попытки выявления лексических единиц, выступающих сигналом и подталкивающих реципиента к определенным деструктивным действиям, вызывающих особенные эмоциональные и эмоционально-модальные состояния разрушительного характера. Многочисленные исследования проводятся в лабораторных условиях. Психолингвисты прибегают к методу массового ассоциативного эксперимента в надежде обнаружить семантическое поле деструктивности. Социолингвисты опираются на социальный контекст, в котором возникают тексты, и пытаются зафиксировать факторы, влияющие на репрезентацию событий негативного характера. Когнитивисты стараются описать ментальную составляющую формирования концептов из семантического поля «агрессия».

В представленном в настоящей статье исследовании предпринята попытка сочетания различных подходов с целью описания вербального образа субъекта агрессии в русскоязычных сетевых СМИ.

Экспериментальным материалом стал корпус текстов, отбравшийся путем сплошной выборки из открытых информационно-новостных текстовых источников в Интернете [8]. Экспериментальный корпус составил 120 текстов объемом 360336 знаков (с пробелами), 47739 словоформ. Словарь корпуса (количество слов, употребляющихся в тексте) состоит из 12553 уникальных слов. Подробнее о принципах отбора материала и формировании экспериментального корпуса см. [9; 10; 11; 15; 16].

Для проведения экспериментального исследования вербальной репрезентации семантического поля «агрессия» была сформирована группа из 98 испытуемых (86 женщин, 12 мужчин) в возрасте 19-23 лет (средний возраст 21 год), студенты гуманитарных специальностей ФГБОУ ВО Московского государственного лингвистического университета, социальный статус средний, носители русского языка.

В проводимом эксперименте испытуемым предлагалось соотнести спонтанно возникающие ассоциации на слово «агрессия» с представленным в виде текста контекстом и отметить те лексемы в тексте, которые отвечали их ассоциациям на слово «агрессия». Иными словами, надо было зафиксировать слова-стимулы с опорой на письменный текст, вербальной реакцией на которые было бы (в представлении испытуемых) слово «агрессия».

В результате для экспериментального корпуса текстов было сформировано семантическое поле «агрессия» (СПА).

Количественный анализ лексем семантического поля «агрессия» проводился в три этапа. Первый этап состоял в распределении (с учетом контекстуального словоупотребления в тексте) всех указанных испытуемыми слов по грамматическим категориям: глаголы, имена существительные, имена прилагательные, наречия, предлоги. Причастия и деепричастия были отнесены к категории глаголов как глагольные формы. Все словоформы были приведены в исходную форму.

На следующем этапе количественный семантический анализ проводился при помощи online-программ открытого доступа [13; 14]. В результате для каждого слова СПА было выявлено абсолютное число словоупотреблений в текстовом корпусе.

На третьем этапе для каждого слова СПА в корпусе было выявлено абсолютное число ассоциатов, т.е. число случаев, в которых испытуемые ассоциировали слова с агрессией.

Количественные данные семантического поля «агрессия» на материале текстового корпуса представлены в табл. 1. Под коэффициентом совпадений подразумевается отношение абсолютного числа ассоциатов к абсолютному числу словоупотреблений для конкретного экспериментального корпуса.

При сопоставлении количества лексем СПА со словарем текстового корпуса выяснилось, что в среднем доля представленности лексем СПА не превышает 8%. Можно предположить, что подобное соотношение СПА в текстах сетевых СМИ количественно не должно выдвигать негативную картину мира на первый план в языковом сознании реципиента, однако качественный анализ восприятия текстов, в содержании которых присутствуют лексемы из СПА, не подтверждает высказанного предположения.

Таблица 1.

Количественные данные СПА на основе текстов русскоязычных сетевых СМИ

Граммат. категория	Кол-во лексем СПА в корпусе	Кол-во словоупотреб. лексем СПА в корпусе	Кол-во ассоциатов СПА
Им. сущ.	528	4581	1435
Им. прил.	219	1171	439
Глаголы	209	1228	454
Наречия	22	72	32
Предлоги	1	79	12
Всего	979	7131	2372
Коэффициент совпадений = 33%			

В рамках типологической группы «субъект акта агрессии» в русскоязычном текстовом корпусе лидирующее место занимает семантический кластер «агрессор», вербализуемый в текстах такими номинативными лексемами, как, например: *смертник, маньяк-убийца, обидчик, садист, насильник, террорист, поджигатель, педофил, киберсилы*; за ним следует кластер «третье лицо, вовлеченное в акт агрессии» (*спецназовец, юрист, следователь*) и лишь затем – кластер «жертва» (*заложник, погибший*).

Отмеченная тенденция и асимметрия в сторону преобладания номинаций агрессора свидетельствует о нивелировании образа субъекта, испытывающего на себе агрессию другого. В языковом сознании носителей русского языка при восприятии текстов современных русскоязычных сетевых СМИ по тематике «агрессия» формируется некий образ обобщенного агрессора наряду с образом противодействующего ему третьего лица (в большинстве случаев – это представители властных и силовых структур, органы юстиции и правопорядка), в то время как объект агрессии (жертва) выносится за рамки взаимодействия.

(1) Очередное нападение *боевиков (агрессор)* на тюрьму показало полную неспособность иракских *сил безопасности (третье лицо)* противостоять *боевикам (агрессор)* [12].

(2) Тремя годами ранее была успешно восстановлена власть республики на африканском острове Анжуан. Французские *спецназовцы (третье лицо)* сражались в Чаде, Центральноафриканской республике, где был свергнут *диктатор-людоед* Бокасса (*агрессор*), и это не полный список [1].

Таким образом, акцент смещается с акта агрессии как взаимодействия конкретного агрессора и конкретной жертвы на фигуру агрессора в целом как потенциальную угрозу любому и каждому, но вне рамок конкретной ситуации.

(3) Договор о торговле оружием призван обеспечить контроль над сделками с обычными вооружениями, которые попадают в руки *пиратов (агрессор)*, *террористов (агрессор)* и участников *преступных группировок (агрессор)* [4].

(4) Агрессия против культурных и исторических зданий и иных объектов в различных районах Сирии является дополнительным доказательством экстремистских, жестоких намерений *террористов* «Аль-Каиды» (*агрессор*) и связанных с ней *террористических групп (агрессор)*, ведущих войну против *властей (третье лицо)* и *народа* Сирии (*жертва*) [7].

В языковом сознании носителей русского языка позиция жертвы рефлексирована в незначительной мере. Жертва по-прежнему остается беспомощным объектом агрессии, не способным противостоять агрессивным действиям.

(5) Это не о делийской истории, а о той, что случилась в 2011-м году, и *жертвой* был *трехлетний ребенок (жертва)*. *Насильник (агрессор)*, которого все это время *судили (действие третьего лица)*, только что получил смертный приговор [3].

(6) В провинции Дамаск вблизи селения Друша обнаружено тело христианского *священника (жертва)*, который 18 октября был похищен группой вооружённых *террористов (агрессор)* в посёлке Ждейдет Артуз при попытке переговоров с *боевиками (агрессор)* об освобождении *мирных граждан (жертва)*, удерживаемых в заложниках. *Священник (жертва)* был убит выстрелом в голову [6].

Единственно возможной стратегией противодействий со стороны жертвы в этом случае является обращение за помощью к третьим лицам.

Интересно, что среди лексем, описывающих третьих лиц, преобладают именно те, которые представляют людей и структуры, выступающие в помогающей позиции от лица жертвы, например: *правоохранитель, сотрудник, спецназовец*; но есть и такие номинации, которые апеллируют к третьим лицам на стороне агрессора (*стукач, пособник, наемник*).

(7) Бежавшие *эки (агрессор)*, как сообщает Би-би-си, захватили документы, в которых содержатся имена *информаторов властей (третье лицо)*. Так что теперь следует ждать актов возмездия против *«стукачей» (третье лицо)* [12].

(8) *Сирийские власти (третье лицо)* заявляют, что противостоят организованным действиям хорошо вооруженных и обученных местных *боевиков (агрессор)* и *наемников* из-за рубежа (*третье лицо*) [5].

В текстах русскоязычных сетевых СМИ также обнаруживаются лексемы, номинирующие третьих лиц, выступающих в защиту агрессора, например, *адвокат, юрист*.

(9) Характерно, что *адвокаты (третье лицо)* шести делийских *наильников (агрессор)* избрали вот какую тактику защиты: *хорошая девушка (жертва)* не ходит по ночам в кино с «молодым человеком» (не мужем), это ее поведение спровоцировало насилие [3].

(10) Недопустимо ставить вопрос о лишении *педофилов (агрессор) суда присяжных (третье лицо)*, – считает *адвокат (третье лицо)* Михаил Тер-Саркисов [2].

В заключение необходимо отметить, что применяемая в настоящем исследовании методика себя оправдала и на основе количественного анализа данных позволила стратифицировать лексические компоненты семантического поля «агрессия» в соответствии с их семантико-грамматической принадлежностью. Четкое разграничение составляющих в рамках семантического кластера «субъект акта агрессии» позволило структурировать и выявить соотношение категорий «агрессор», «жертва», «третье лицо, вовлеченное в акт агрессии». Качественный анализ вербализации данных категорий в контексте русскоязычных сетевых СМИ свидетельствует о действующей модели ролевого взаимодействия между этими субъектами в реальной жизни.

Список литературы

1. Гореликов А. Франция в Мали: Маленькая победоносная война? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты от 15 января 2013. URL: <http://www.aif.ru/politics/world/39549> (дата обращения: 22.03.2014).
2. Евстифеев Д. Яровая требует лишить педофилов судов присяжных [Электронный ресурс] // Известия от 27 марта 2013. URL: <http://izvestia.ru/news/547445> (дата обращения: 10.03.2014).
3. Косырев Д. Изнасилование индийской политики [Электронный ресурс] // РИА Новости от 16 января 2013. URL: <http://ria.ru/analytics/20130116/918358298.html#ixzz2Pnr6J55K> (дата обращения: 19.02.2014).
4. Макутина М. Иран, КНДР и Сирия выстрелили против [Электронный ресурс] // Газета от 29 марта 2013. URL: http://gazeta.ru/politics/2013/03/29_a_5121333.shtml (дата обращения: 01.11.2014).
5. Малков Д. Президент Сирии ужесточил наказание за похищения и убийства людей [Электронный ресурс] // РИА Новости от 02 апреля 2013. URL: http://ria.ru/arab_sy/20130402/930583218.html (дата обращения: 01.03.2014).
6. Насилие в Сирии не прекращается [Электронный ресурс] // ИА REGNUM от 25 октября 2012. URL: <http://news.rambler.ru/16090380> (дата обращения: 11.01.2014).
7. Постпред Сирии в ООН: Агрессия террористов против исторических сооружений – экстремизм [Электронный ресурс] // ИА REGNUM от 10 марта 2013. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1633964.html> (дата обращения: 06.11.2014).
8. Потапова Р. К., Комалова Л. Р. Авторское свидетельство № 2015620111 о государственной регистрации базы данных «Аннотированная база данных русскоязычных письменных текстов цифровых СМИ, содержащая вербальные репрезентанты концепта “агрессия”», зарегистрировано в Реестре баз данных 23.01.2015 г. [Электронный ресурс]. М., 2015. CD-ROM.
9. Потапова Р. К., Комалова Л. Р. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: тематический толковый словарь: М.: ИНИОН РАН, 2015. Вып. 1. 146 с.
10. Потапова Р. К., Комалова Л. Р. Информационная структура письменного текста, содержащего индикаторы состояния «агрессия» // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Гнозис, 2014. С. 599-607.
11. Потапова Р. К., Комалова Л. Р. Лингвокогнитивное исследование состояния «агрессия» в межъязыковой и межкультурной коммуникации: письменный текст // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика: в 2 ч. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2013. Ч. 2. (Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание. № 15 (675)). С. 164-175.
12. Радов З. Нападение на тюрьму в Ираке: Свыше 90 освобожденных заключенных и как минимум 12 убитых охранников [Электронный ресурс] // Комсомольская правда от 29 сентября 2012. URL: <http://kp.ru/daily/25958/2898742> (дата обращения: 07.09.2014).
13. Advego: Семантический анализ текста онлайн, seo-анализ текста [Электронный ресурс]. URL: <http://advego.ru/text/seo/> (дата обращения: 15.12.2015).
14. Istio: Семантический анализ текста онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://istio.com/rus/text/analyz/> (дата обращения: 15.12.2015). Potapova R. K., Komalova L. R. Lingua-Cognitive Survey of the Semantic Field «Aggression» in Multicultural Communication: Typed Text // SPECOM 2013, LNAI 8113 / M. Železný et al. (Eds.). Switzerland: Springer International Publishing, 2013. P. 227-232.
15. Potapova R. K., Komalova L. R. On Principles of Annotated Databases of the Semantic Field «Aggression» // SPECOM 2014, LNAI 8773 / A. Ronzhin, R. Potapova, V. Delić (Eds.). Switzerland: Springer International Publishing, 2014. P. 322-328.

THE VERBAL IMAGE OF THE SUBJECT OF AGGRESSION IN THE RUSSIAN LANGUAGE NETWORK MASS MEDIA

Komalova Liliya Ryashitovna, Ph. D. in Philology
Institute of Scientific Information for Social Sciences of Russian Academy of Sciences
Moscow State Linguistic University
GenuinePR@yandex.ru

The article describes the experimental study of representation of the lexemes of the semantic field “aggression” in the text of the Russian language network mass media, by which the image of subjects, participating in the act of aggression: aggressor, the victims of aggression and third parties, acting on behalf of the victim or aggressor, is formed among the recipients – speakers of the Russian language.

Keywords: lexeme; association; verbal image; semantic field; aggression.